

ИСТОРИЯ

«Правд бывает много»

Немецкий исторический музей в Берлине готовится открыть большую выставку «1917 год. Революция. Россия и Европа». Накануне открытия корреспонденты «Д» Виктор Лошак и Владимир Широков при участии Леонида Млечина беседовали с директором Государственного музея российской истории **Алексеем Левыкиным** и куратором, в недавнем прошлом директором Германо-Российского музея «Берлин-Карлхорст» **Кристиной Янеке**. Как и ожидалось, разговор получился не только о выставке.



Алексей Левыкин



Кристина Янеке

— Как начиналась эта выставка? Первый ли это опыт сотрудничества берлинского и московского музеев?

АЛЕКСЕЙ ЛЕВЫКИН: Инициатива по ее организации принадлежит Немецкому историческому музею в Берлине и Швейцарскому национальному музею. Но, конечно, организовать такую выставку без участия ведущих российских музеев...

КРИСТИНА ЯНЕКЕ: ... а также без экспонатов из России в принципе невозможно, если вы беретесь за это всерьез. И у Немецкого исторического музея, и у меня как у куратора уже имелся многолетний опыт сотрудничества, были хорошие контакты с Российским государственным историческим музеем в рамках разных выставочных проектов.

Когда несколько лет назад я предложила музею идею такой выставки, тогдашний руководитель ее поддержал, поскольку сам думал о том же. Ему хотелось напомнить посетителям о важных событиях в контексте Первой мировой войны не только в 100-летнюю годовщину ее начала в 1914 году, но и в последующие годы.

А.Л.: Кроме ГИМА с российской стороны в проекте приняли участие и другие ведущие музеи страны, такие как Третьяковская галерея, Русский музей, Музей современной политической истории Санкт-Петербурга, Музей архитектуры имени Шусева, а также крупнейшие архивы.

К.Я.: Кроме того, у нас есть экспонаты из Киева и Минска, поскольку для нас было важно заглянуть за сугобо российский горизонт. Кроме того, нам было важно показать экспонаты не только из Москвы и Санкт-Петербурга. Поэтому мы обратились, в частности, к Свердловскому областному краеведческому музею в Екатеринбурге.

— Исторические судьбы России и Германии тесно переплетены. Нецм все еще интересно, что случилось с Россией в 1917 году?

А.Л.: Революция 1917 года — событие вселенского масштаба, которое отразилось не только на судьбах Европы, но и всего мира. В этом она сопоставима с Великой французской революцией конца XVIII — начала XIX столетий. К тому же Германия в начале XX столетия наряду со Швейцарией и Австро-Венгрией была популярным местом, где русские революционеры скрывались от царской охраны.

К.Я.: В этом году в Германии отмечают 500 лет Реформации. Но второй большой темой, которая вызывает очень серьезный интерес в обществе, у нас стало столетие русской революции. Наша выставка называется «1917 год. Революция. Россия и Европа». И важно понимать, что она рассказывает не только о внутрироссийских событиях. Особенно интересной нам представляется возможность встроить ее в европейский контекст, показать реакцию на соответствующие события за рубежом.

— Можно ли сказать, что в Германии сегодня есть общий взгляд на события октября 1917-го?

А.Л.: В том, что касается оценок революции, того, насколько позитивно или негативно она сказалась на дальнейшем развитии России, нет единства мнений ни в нашей стране, ни за ее пределами. Нельзя забывать, что Германия — родина марксизма. Его идеи остаются популярными в этой стране и по сей день.

К.Я.: Немцы имеют очень разный опыт знакомства с этой темой в школе, и, безусловно, разное представление о русской революции в зависимости от того, где они росли: в бывшей ГДР, в Западной Германии или в Советском Союзе, если говорить о репатриантах из СССР. Оценивать революцию как нечто хорошее или плохое — это не наша тема. Но за пределами научного дискурса, разумеется, высказываются мнения о том, насколько положительную, прогрессивную роль она сыграла для общества, например в связи с эмансипацией или, скажем, с подъемом творческой активности. А также, напротив, что это была колоссальная катастрофа, приведшая к кровопролитию и террору. И обе точки зрения верные.



Картина Исаака Бродского «Второй конгресс Коминтерна» — наши собеседники назвали одним из самых интересных экспонатов выставки

В Берлинском музее немецкой истории

— По какому принципу отбирали экспонаты для этой выставки Государственный исторический музей? Есть ли экспозиции и запасники музея что-то напрямую адресованное именно немецкому посетителю?

К.Я.: Половину из более чем 500 экспонатов мы получили из России, вторую половину — из Германии и других европейских стран. При этом 50% российских экспонатов — это экспонаты Российского государственного исторического музея в Москве. Это немало.

А.Л.: Мы действительно представили самый широкий спектр экспонатов, освещающих разные стороны жизни российского общества. Кроме того, мы впервые демонстрируем предметы, связанные с деятельностью российских революционеров в Швейцарии и Германии. Думаю, немецкой публике будут интересны и

«Если говорить о финансировании (немецкими властями Ленина. — «Д»), то здесь спорить не о чем: есть документы»

экспонаты, не связанные напрямую с событиями 1917 года. Например, комплекс предметов, принадлежавших цесаревичу Алексею, ставшему невинной жертвой этой революции.

К.Я.: Нужно понимать: концепция выставки не пишется черным по белому раз и навсегда. Она дорабатывается в зависимости от того, какие экспонаты удастся найти. Когда я

приезжаю в музей-партнеры, то мы всегда общаемся с коллегами, обмениваемся мнениями об экспонатах. Ведь совершенно необходимо правильно учитывать в том числе интерпретацию российской стороны.

— Будет ли затронута тема, как именно немецкие власти в Первую мировую войну пытались повлиять на настроения российского общества? Есть ли российские и немецкие науки по этому поводу единое мнение?

А.Л.: Есть документы, которые свидетельствуют о том, что в годы Первой мировой войны немецкая разведка, Генштаб и Министерство иностранных дел способствовали, в том числе финансированием, деятельности большевистской партии в России, направленной на свержение государственного строя, распространение антивоенных настроений в армии и обществе. Насколько эти действия германской стороны были решающими в развитии революционных настроений в России — это вопрос, который требует серьезного, тщательного исследования.

К.Я.: Разумеется. Первая мировая война имеет решающее значение для понимания революционных процессов в России, мы видим в ней катализатор развития революции. Именно это оказывается в центре нашего внимания. Для нас важно показать заинтересованность большевиков в скорейшем заключении мира и внутривнутриполитические последствия такого шага. Что же касается другой сюжетной линии, в частности поездки Ленина на поезде через Германию в Петроград, то для нас она интересна и важна, но при этом точно не новая и не центральная. Если говорить о финансировании, то здесь спорить не о чем: есть документы. Но, к слову, и это не было чем-то из ряда вон выходящим, поскольку все страны — участницы войны финансировали недружественную пропаганду в стане противника. И эта история получила такую широкую огласку только в силу широкой известности самого Ленина.

— Вы можете назвать какие-то конкретные документы в этой связи?

К.Я.: Ну, это, конечно, Брест-Литовский мирный договор. Еще есть два или три документа, тоже в оригинале, из Политического архива в Берлине, из которых следует, что немцы, включая верховное командование, способствовали тому, чтобы поездка Ленина прошла благополучно. Причем в этом участвовал как политический, так и военный уровни. Наконец, имеются платежные документы, подтверждающие передачу денег — правда, из них не понятно, кто именно и кому платил. А также документ о том, что работой Ленина в Петрограде были очень довольны. И самое пикантное в том, что немцы, разумеется, даже не представляли себе, что именно они поддерживали. Но этой темой мы касаться не стали, поскольку она однозначно выходит за рамки нашей выставки.

— Как выставка, на ваш взгляд, отвечает на волнующий поколения вопрос: кто на кого повлиял — Ленин и большевики совершили революцию на немецкие деньги или немецкие социал-демократы свергли кайзера, подражая русским революционерам?

А.Л.: Революцию в России в феврале 1917 года начали не большевики во главе с Лениным. В тот момент это была не самая влиятельная политическая сила страны. Летом 1917 года она не имела большинства даже в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. Миф о ее могуществе накануне революции был создан в эпоху сталинизма авторами «Краткого курса истории ВКПб». Пришедшие к власти представители либеральной и демократической интеллигенции оказались неспособны не только разрешить эти проблемы, но даже наладить руководство страной. Так что большевики в октябре 1917 года просто умело воспользовались ситуацией для того, чтобы захватить власть. Думаю, немецкие деньги здесь ни при чем.

К.Я.: Наша тема — это реакция на события в России, а также примеры взаимного влияния. Здесь Германия однозначно находится в центре внимания просто потому, что сама выставка будет проходить в Берлине. А также потому, что Немецкий исторический музей располагает очень очень хорошими подборками экспонатов, которые мы, разумеется, хотим показать. Но то, о чем вы спрашиваете, — Ноябрьская революция, основание Веймарской республики и так далее — было обусловлено прежде всего внутригерманскими интересами и событиями. Хотя очень небольшая часть рабочего движения действительно хотела полностью следовать российскому примеру. Это вызвало споры и, несомненно, способствовало расколу рабочего движения.

— Почему немецкие левые, в отличие от русских, потерпели поражение? И действительно ли страх перед большевизмом породил националистическую реакцию на революционную смуту, что в конце концов привело к падению Веймарской республики и приходу к власти Гитлера?

А.Л.: Конечно, нельзя отрицать страх в немецком обществе перед теми событиями, которые происходили в революционной России: политика военного коммунизма, экспроприация частной собственности, ужасы войны, террор... Однако считать, что только страх перед большевиками породил нацизм, значит упрощать ситуацию. Именно так утверждали идеологи эпохи сталинизма, заявлявшие, что создание немецкой Национал-социалистической партии — это ответ «мирового империализма» на распространение идей коммунизма. Не меньшее влияние на рождение идеологии фашизма в Германии оказали итоги Первой мировой войны.

К.Я.: Он должен понять, что это будет очень сложный и противоречивый процесс, который не укладывается в рамки хорошего или плохого. Наша задача — все это запропорционировать. Кроме того, мы помещаем экспозицию в рамках из пролога и эпилога. Для пролога мы опросили десять человек из Германии и России, которым задали один и тот же вопрос: как они оценивают значение русской революции сегодня. Ответы получились очень разными, очень интересными и очень личными. Посетители смогут прослушать их в начале выставки без каких-либо комментариев. И мы завершаем выставку эпилогом: подборкой произведений искусства и цитат разных людей, живших в разное время и занимавшихся темой русской революции. Очень важная задача выставок — показать, что есть не одна некая правда, а много точек зрения на исторические события. И что нужно соприкоснуться с этим колоссальным объемом информации, чтобы получить более или менее исчерпывающую картину.

«В том, что касается оценок революции, нет единства мнений ни в нашей стране, ни за ее пределами»

— Если бы вам предложили выбрать самый горячий, самый поразительный экспонат этой выставки, что бы вы назвали?

А.Л.: Я думаю, это знаменитое полотно Исаака Бродского «Второй Конгресс Коминтерна», которое

представляет наш музей. Оно объединило в себе все и само обладает собственной уникальной историей. На картине изображены практически все активные участники революционных событий не только в России и Германии, но и других странах мира. Поэтому начиная с середины 30-х годов XX века произведение Бродского находилось в спецхране и было недоступно массовому зрителю. И, наконец, полотно можно назвать символом зарождения целой мировой политической системы коммунизма.

К.Я.: Соглашусь с господином Левыкиным в том, что картина Бродского, безусловно, один из наиболее ярких экспонатов. Мы очень рады, что нам его предоставили, тем более полотно редко выставлялось за рубежом. С одной стороны, эта работа сама обращает на себя внимание, с другой — это один из ключевых сохранившихся экспонатов выставки. Она символизирует концепцию мировой революции, то есть стремление молодого советского государства способствовать общественному и политическому перевороту за рубежом по советским лекалам. В то же время у нас столько замечательных экспонатов из разных стран и разных жанров, что выбрать из них какой-то один «самый-самый» просто невозможно!

— С каким представлением о событиях 1917-го должен уйти посетитель этой выставки?

А.Л.: Все зависит от самого зрителя — насколько он подготовлен к восприятию и выставки в целом, и в курсе сложных перипетий русской и европейской истории, о которых она рассказывает. Но я уверен, что осознание значения событий, происшедших в 1917 году в России, а затем и в Германии, поможет ему взглянуть в смысл современных политических процессов и конфликтов.

К.Я.: Он должен понять, что это будет очень сложный и противоречивый процесс, который не укладывается в рамки хорошего или плохого. Наша задача — все это запропорционировать. Кроме того, мы помещаем экспозицию в рамках из пролога и эпилога. Для пролога мы опросили десять человек из Германии и России, которым задали один и тот же вопрос: как они оценивают значение русской революции сегодня. Ответы получились очень разными, очень интересными и очень личными. Посетители смогут прослушать их в начале выставки без каких-либо комментариев. И мы завершаем выставку эпилогом: подборкой произведений искусства и цитат разных людей, живших в разное время и занимавшихся темой русской революции. Очень важная задача выставок — показать, что есть не одна некая правда, а много точек зрения на исторические события. И что нужно соприкоснуться с этим колоссальным объемом информации, чтобы получить более или менее исчерпывающую картину.